

УДК 39(091)+81'373.2+81'28

СОБОЛЕВ Антон Игоревич, аспирант кафедры географии и геоэкологии Поморского государственного университета имени М.В. Ломоносова.
Автор 24 научных публикаций

О ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКОМ СУБСТРАТЕ В ГЕОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ АНДОМСКОГО ПОГОСТА

В статье исследуется прибалтийско-финский субстрат в геокультурном пространстве Андомского погоста – административного округа Обонежской пятины Новгородской земли. Приводимые в статье данные свидетельствуют о проживании в XVI–XVIII веках на данной территории групп прибалтийско-финского (главным образом, вепсского) населения, принимавшего участие в формировании современного русского населения данной территории.

Прибалтийско-финский субстрат, вепсы, Обонежье, Андомский погост

Культура Европейского Севера полизэтнична и является в том числе продуктом многовекового взаимодействия восточнославянского и финно-угорского населения. Н.М. Теребихин отмечает, что религиозно-этническое пространство Севера сформировалось в процессе встречи и диалога русского народа и уральских народов (финны, угры, самодийцы)¹.

Одна из частей Европейского Севера – Обонежье также является зоной многовекового контактирования прибалтийско-финского (вепсского, карельского) и славянского населения.

В настоящей статье мы на основании данных из различных областей знаний – истории, этнографии, ономастики иialectологии, собственных полевых исследований попытаемся выявить прибалтийско-финский субстрат в одной из частей Обонежья – Андомском погосте.

В средние века Никольский Андомский погост, включавший в себя территорию севера современного Вытегорского района Вологодской области и юга Пудожского района Республики Карелия, входил в состав Заонежских погостов Обонежской пятины.

Уникальность положения Андомского погоста – в районе схождения водоразделов крупнейших бассейнов Европы: Балтийского, Беломорского и Каспийского, на главном водоразделе Русской равнины, обеспечила существование в данном районе важных водно-волоковых путей. Судя по топонимическим данным, эти пути были известны доприбалтийско-финскому населению из Верхневоложья, а затем древним вепсам, о чем свидетельствуют названия озер у водоразделов².

Древние саамы и прибалто-финны. С формированием саамского этноса, по данным современной науки, прямым образом связана археологическая позднекаргопольская культура, распространенная в юго-восточном Обонежье до середины I тысячелетия нашей эры³.

О проживании в XIV веке «около озера Онега» лопян (саамов) и чуди (вепсов) упоминается в «Завещании Лазаря Муромского», основателя Муромского монастыря. Проживание вепсов поблизости от монастыря не вызывало сомнений ни у В.В. Пименова, ни у Д.В. Бубриха⁴, несмотря на некоторые несоответствия в

ИСТОРИЯ

датах и именах данного документа и подложность грамоты на владение землями⁵.

К финским (в данном случае древневепсским. – С. А.) древностям IX–XII веков относит археолог А.М. Иванищев средневековые древности поселения Тудозеро-V⁶. По нашему мнению, основанному на данных топонимики, на Тудозере в XIII веке могли появиться первые вепсские земледельческие поселения⁷.

Древние укрепления Андомы – «Городище» и «Городок». Немногим севернее – на реке Самине в XII–XIV веках возникло так называемое «Саминское городище», обследованное в 1970-е годы археологами Карельского филиала АН СССР. О неславянском населении городища говорит ориентировка погребений (северо-запад – юго-восток)⁸. Отметим также, что название протекающего у *городища* водотока – *Линдручей* происходит от вепс. *lidn* – *город*⁹.

О наличии на р. Андоме в окрестностях с. Макачево еще одного укрепленного поселения свидетельствуют данные топонимии (ручей *Линдручей*, д. *Подгородье*) и письменные источники¹⁰.

По нашему мнению, основанному на картографическом и топонимическом анализе, места для двух «городков» были выбраны не случайно – они охраняли важные водно-волоковые пути из бассейна Балтийского моря в бассейн Белого и Каспийского морей, а в случае надобности перекрывали торговые пути из Новгорода в Двинскую землю и путь вокруг Онежского озера¹¹.

Этническое окружение Андомского погоста. Согласно мнению И.И. Муллонен, «есть основания полагать, что созданная в конце XV в. административно-территориальная единица – Заонежские погосты Обонежской пятини объединяла прежде всего земли с вепсским населением»¹². Действительно, по крайней мере до XVII века Андомский погост со всех сторон был окружен группами вепсского населения. В настоящее время ближайшими к Андомскому погосту вепсскими поселениями являются деревни прионежских вепсов (вепсская деревня Подщелье находится в 40 км

от устья Тудозера, вепсское село Шелтозеро – в 50 км от Муромского мыса).

В XVI–XVII веках в Андомском погосте появляются карелы, переселяющиеся из Корельского уезда. По материалам переписи 1678 года, в Андомском погосте отмечено 13 семей «корельских выходцев», из них 7 семей основали д. Ранина Гора в волости Вакуксе¹³.

Отметим также, что по данным К.К. Логинова, жителей д. Сойдозero и д. Корелы их соседи называли «черноухими *кайванами*»¹⁴ («кайваны» – одно из названий вепсов и карелов в бытовой русской речи)¹⁵, а жителей Замошья окрестное население считало чистыми «чухарями» (вепсами)¹⁶.

Краткий обзор прибалтийско-финских черт в топонимике, лексике, материальной и духовной культуре Андомского края. К.К. Логинов (2000) одним из первых выделил «свущительный пласт вепсских элементов в крестьянской культуре» Андомского края и привел примеры похоронно-поминальных обычаем и обрядов, охотничьей, рыболовной и сельскохозяйственной лексики вепсского происхождения, а также отметил наличие вепсских черт в музыкальной культуре, особенностях гражданской архитектуры и внешнего декора изб бывшего Андомского района¹⁷.

Данные языкоznания. Топонимика. Согласно нашим полевым данным, топонимия прибалтийско-финского происхождения хорошо сохранилась в Андомском крае, пример тому – названия небольших водотоков и уроцищ, полян и покосов. Нами с использованием данных И.И. Муллонен¹⁸ проанализировано и подготовлено к печати более 60 современных топонимов Андомского погоста (в основном – микротопонимов), имеющих прибалтийско-финское (вепсское и карельское) происхождение (поляна *Гонжесма*, покос *Лепоя*, уроцище *Нисельга*, родник *Сюръга*, *Янишево* поле и др.). Кроме того, нами выявлено несколько случаев переводных топонимов – вепсско-русских ка'лек¹⁹.

Таким образом, наличие переводных топонимов свидетельствует о двуязычии и постепенном обрусении прибалтийско-финского населения, а «сохранение микротопонимов вепсско-

го происхождения, должно, очевидно, рассматриваться, во-первых, как след значительного вепсского присутствия..., во-вторых, как свидетельство относительно позднего обрушения этой территории», поскольку микротопонимия отличается высокой изменчивостью и подвижностью²⁰.

Вепсские имена и прозвища. Автором статьи на основе анализа писцовых книг Обонежской пятини 1563 и 1583 годов²¹ на территории Андомского погоста-округа выделено более 20 собственных имен людей (прозвища и дохристианские имена – Гуйкут (*Guikut*), Мустой (*Mustoi*), Ребуй (*Reboi*) и др.; варианты христианских канонических имен – Григуй (*Grigoi*), Микуй (*Mikoi*), Терой (*Teroi*) и др.) и образованных от них названий населенных пунктов, имеющих прибалтийско-финское (главным образом, вепсское) происхождение. Результаты исследования были опубликованы в ряде статей²².

Лексика прибалтийско-финского происхождения в андомских говорах. В работах К.К. Логинова и С.А. Мызникова указаны и этимологизированы слова из андомских говоров, имеющих прибалтийско-финское (вепсское и карельское) происхождение (у К.К. Логинова – более 30 слов, у С.А. Мызникова – более 50 слов)²³.

Автором настоящей статьи на территории Андомской сельской администрации Вытегорского района собрано более 90 слов, имеющих прибалтийско-финское происхождение, большинство из которых не отмечены для данной территории в указанных работах К.К. Логинова и А.С. Мызникова. Кроме того, лексический материал андомских говоров, имеющий прибалтийско-финское происхождение был выявлен нами при анализе словарей и материалов, собранных в XIX–XX веках Г. Студитовым²⁴ (более 10 слов), Н. Шайжиным²⁵ (более 20 слов), Г.И. Куликовским²⁶ (более 20 слов), Ф. Паршуковым²⁷ (более 60 слов). Собранный материал был этимологизирован нами с использованием работ С.А. Мызникова²⁸, М. Фасмера²⁹, словарей вепсского, карельского, финского языков и подготовлен к публикации³⁰.

Таким образом, в говорах андомского края существует более 200 слов, имеющих прибалтийско-финское (вепсское и карельское) происхождение (например, *кабры*, *муштать*, *ружандать*).

Материальная культура. Данные архитектуры. На основе изучения двух образцов культовой архитектуры андомского края – Саминской Ильинской (1692) и Замошской (1787) церквей архитектор В.П. Орфинский делает вывод том, что *ассимиляция вепсского населения в районе с. Самино происходила уже во второй половине XVIII века, а в районе с. Замошье «вепсские архитектурные традиции сохранялись, по крайней мере, до конца XIX века»*³¹.

По нашим полевым данным, в Андомском крае также имела место характерная для вепсских поселений *разнонаправленность фасадов – взаимоперпендикулярная ориентация домов*. Постройки, расположенные перпендикулярно друг к другу, имелись ранее в с. Слобода (д. Горняя).

Предметы одежды. По нашим полевым данным, к прибалтийско-финским предметам одежды жителей андомского края, в частности, с. Андомы, с. Слободы и соседней с ним д. Ильинцы относятся: валеная обувь – *каньги* (вепс. *kan'gad*, ед.ч. *kan'g* – валенки) и головной убор – *кукель* (вепс. *kukkel'*, кар. *kukkeli* – башлык, капюшон), ранее известный в с. Слобода.

Похоронно-поминальная обрядность. По полевым данным автора статьи, в Андомском крае встречаются также черты похоронно-поминальной обрядности, характерные для прибалтийско-финских народов: *обычай опахивания могил платком* (известен также у карелов и северных вепсов³²); *обычай приготовления постели для умершего перед 40-м днем* (имеется также у шелтозерских вепсов и русских Прионежья³³); противоположный последнему обычай, сходный с бытовавшим у карелов, – *сохранение бывшей постели покойного до 40-го дня* (у карелов – в течение 6 недель³⁴); *сооружение «намогильных домиков»* («дедкова избушка» в д. Кондрахино) (подобные

ИСТОРИЯ

сооружения распространены на карельских кладбищах в северной Карелии, Приладожье, а также в местностях Европейского Севера, имеющих прибалтийско-финский субстрат³⁵).

Некоторые представления о животных. В Андомском крае вепсские корни имеют представления о некоторых животных. По нашим полевым данным, среди уроженцев Слободы особую роль в преданиях играют змеи: сохранилось предание о летучем змее; представление о том, что змея рожает с дерева, распространенное также среди вепсов и русского населения Кенозерья, в культуре которых прослеживается вепсский субстрат³⁶. Записанный нами от уроженки Слободы сюжет о медном змее, обладающем, по ее мнению, рядом особенностей: повышенной опасностью – «онкусит – ак 12 матерей бы плакало»; слепотой, отсутствием глаз; способностью «распадаться на звенья» и «сходиться» вновь, – имеет как вепсскую, так и вепско-русскую основу³⁷.

От уроженцев Андомы, Слободы и Куржексы нам известно также поверье о том, что

кукушка распространяет клещей. Подобная связь между клещем и кукушкой известна южным вепсам, при отсутствии мифологических мотивов подобной связи между ними у славянских народов³⁸. Андомское название клеща – «загоска» (загоской в других русских говорах называют кукушку) также объяснимо влиянием вепсского языка (вепс. kägentäi, кар. käentäi – клещ, букв. кукушья вошь).

Подводя итоги, отметим, что данные археологии, истории, ономастики, диалектологии, этнографии, подтвержденные письменными источниками, убедительно свидетельствуют о проживании в XVI–XVIII веках в нижнем течении рек Андомы, Самины, Куржексы и на оз. Тудозero групп прибалтийско-финского (главным образом, вепсского) населения, сохранявшего на то время свой родной язык. Можно заключить, что у андомской части вепсского населения процесс утраты национальных самосознания, языка и культуры завершился в XVIII–XIX веках. Однако следы вепсской культуры еще заметны в культуре андомских сел и деревень и в настоящее время.

Примечания

¹ Теребихин Н.М. Религиозно-этническое пространство Севера как собор народов, религий и культур // Вестн. Помор. ун-та. Сер. «Гуманит. и соц. науки». 2008. № 3. С. 72–77.

² Муллонен И.И. Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002. С. 214; Муллонен И.И. Очерки вепсской топонимии. СПб., 1994. С. 123. Кузнецов А.В. Названия вологодских озер: словарь лимнонимов финно-угорского происхождения. Вологда, 1995. С. 49.

³ Орфинский В.П., Муллонен И.И., Винокурова И.Ю. Наука о вепсах на рубеже столетий // Современная наука о вепсах: достижения и перспективы (памяти Н.И. Богданова). Петрозаводск, 2006. С. 12.

⁴ Пименов В.В. Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.; Л., 1965. С. 186; Бубрих Д.В. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947. С. 24.

⁵ Чернякова И.А. Карелия на переломе эпох: очерки социальной и аграрной истории XVII в. Петрозаводск, 1998. С. 219–222.

⁶ Иванецев А.М. Древности Вытегории // Вытегра: краевед. альм. Вып. 2. Вологда, 2000. С. 38.

⁷ Соболев А.И. О некоторых вопросах финно-угорского освоения территории Андомского погоста и местных вепсских антропонимах // Поморские чтения по семиотике культуры: сб. науч. ст. Вып. 3: Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты народов Европейского Севера. Архангельск, 2008. С. 417.

⁸ Пессонен П.Э. Раскопки городища у дер. Самино // Археологические открытия 1970 г. М., 1971. С. 30.

⁹ Гусельникова М.Л. Об определении калек в топонимии Русского Севера // Русская диалектная этимология. Екатеринбург, 1999. Цит. по: Шилов А.Л. Топонимические кальки и этимология субстратных топонимов // Вопр. языкоznания. 2001. № 1.

¹⁰ Писцовая книга Обонежской пятини 1563 гг. // Материалы по истории народов СССР. Вып. 1. Материалы по истории Карельской АССР. Л., 1930. Л. 468об., 477об.

¹¹ Соболев А.И. Указ. соч. С. 417–418; *Его же*. О прибалтийско-финском компоненте в формировании населения Андомского погоста и о некоторых вопросах освоения данной территории // Вытегра: краевед. альм. Вып. 4 (в печ.).

¹² Муллонен И.И. Формирование этнолингвистической карты Карелии // Северная Европа в XXI веке: природа, культура, экономика: материалы междунар. конф., посвящ. 60-летию КарНЦ РАН, Петрозаводск, 24–27 октября 2006 г. Т. 2. Петрозаводск, 2006. С. 131.

¹³ Чернякова И.А. Указ. соч. С. 28, 251–252; Витов М.В. Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII вв. Из истории сельских поселений. М., 1962. С. 64.

¹⁴ Логинов К.К. Этническая история Восточного Обонежья и этнографического Заонежья // Очерки исторической географии. Северо-запад России. Славяне и финны. СПб., 2001. С. 367.

¹⁵ Пименов В.В., Строгальщикова З.И. Вепсы: расселение, история, проблемы этнического развития // Проблемы истории и культуры вепской народности. Петрозаводск, 1989. С. 7. Куликовский Г.И. Словарь областного олонецкого наречия. СПб., 1898. С. 32.

¹⁶ Логинов К.К. Указ. соч. С. 367.

¹⁷ *Его же*. «Вепсский след» в традиционной культуре русских юго-восточного Прионежья // Вытегра: краевед. альм. Вып. 2. Вологда, 2000. С. 135–141.

¹⁸ Муллонен И.И. Гидронимия бассейна р. Ояти. Петрозаводск, 1988; *Его же*. Очерки вепсской топонимии; *Его же*. Топонимия Заонежья: словарь с историко-культурными комментариями. Петрозаводск, 2008; Муллонен И.И. Топонимия Присвирья...

¹⁹ Соболев А.И. О некоторых вопросах финно-угорского освоения территории Андомского погоста... С. 421; *Его же*. О прибалтийско-финском компоненте в формировании населения Андомского погоста...

²⁰ Муллонен И.И. Топонимия Присвирья... С. 95, 135. Муллонен И.И. Очерки вепсской топонимии. С. 128, 129.

²¹ Писцовая книга Обонежской пятини 1563 года // Материалы по истории народов СССР...; Писцовая книга Обонежской пятини 1583 года // Там же.

²² Соболев А.И. О некоторых вопросах финно-угорского освоения территории Андомского погоста... *Его же*. О прибалтийско-финском компоненте в формировании населения Андомского погоста...

²³ Логинов К.К. «Вепсский след» в традиционной культуре русских юго-восточного Прионежья... С. 135–141; Мызников С.А. Русские говоры Обонежья: ареально-этимологическое исследование лексики прибалтийско-финского происхождения. СПб., 2003.

²⁴ Студитов Г. Этнографические описания, объемлющие местность Пудожского уезда, Нигижемско-Георгиевского, Пречистенского и Гакутского погостов [1854 г.] // Архив РГО. Ф. Олонецкая губерния, р. 25. Оп. 1. Д. 27. URL: <http://litkarta.karelia.ru/library.shtml>.

²⁵ Шайжин Н. Говор крестьян Нигижемской волости, Пудожского уезда // Олонец. губерн. ведомости. 1903. № 126–128, 130–136.

²⁶ Куликовский Г.И. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.

²⁷ Паршуков Ф. Живая речь андомогоров. Рукопись. Раздельная, 1983 г. Фонды Вытегорского краеведческого музея.

²⁸ Мызников С.А. Указ. соч.; *Его же*. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: этимологический и лингво-географический анализ. СПб., 2004.

²⁹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. М., 1986–1987.

³⁰ Соболев А.И. Лексика прибалтийско-финского происхождения в русских андомских говорах // Вытегра: краевед. альм. Вып. 4 (в печ.).

³¹ Орфинский В. П. Культовая архитектура вепсов // Современная наука о вепсах: достижения и перспективы (памяти Н. И. Богданова). Петрозаводск, 2006. С. 265.

³² Строгальщикова З.И. Погребальная обрядность вепсов // Этнокультурные процессы в Карелии. Петрозаводск, 1986. С. 65–85.

³³ Там же; Сурхаско Ю.Ю. Семейные обряды и верования карел. Конец XIX – начало XX в. Л., 1985. С. 133.

³⁴ Там же.

³⁵ Орфинский В.П. Загадки «домиков мертвых» // Памятники архитектуры и мировоззрения. Петрозаводск, 1985. С. 129–143.

³⁶ Винокурова И.Ю. Животные в традиционном мировоззрении вепсов: (опыт реконструкции). Петрозаводск, 2006. С. 155, 158, 159.

³⁷ Там же. С. 156–158.

³⁸ Там же. С. 241–243.

ИСТОРИЯ

Sobolev Anton

ON THE BALTIC-FINNISH SUBSTRATUM IN GEOCULTURAL SPACE OF ANDOMA POGOST

The article considers the Baltic-Finnish substratum in the geocultural space of Andoma pogost, which was an administrative unit of Obonezhskaya pyatina (the Novgorod district). The data provided in the article prove that during XVI - XVIII centuries this territory was inhabited by the groups of the Baltic-Finnish people (primarily by the Vepsians) who contributed to the forming of the contemporary Russian population of the given territory.

*Контактная информация:
e-mail: kroikoi@yandex.ru*

Рецензент – Теребихин Н.М., доктор философских наук, профессор кафедры культурологии и религиоведения Поморского государственного университета имени М.В. Ломоносова